

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.110-125

Ю. Е. Пудовочкин*,
М. М. Бабаев**

Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации

Аннотация. Современное общество переживает период трансформации, которая затрагивает все фундаментальные сферы, включая сферу уголовной политики и уголовного права. Состояние неустойчивости и неопределенности общественного развития отражается среди прочего в том, что практика текущего нормотворчества в сфере конструирования уголовно-правовых запретов зачастую демонстрирует отчетливое противоречие правилам и принципам криминализации, которые сложились в отечественной правовой доктрине рубежа XX и XXI столетий. Это явление получает преимущественно негативную оценку в научной литературе. Не отрицая содержательной критики, вместе с тем необходимо поставить вопрос о том, что устойчивый характер отступлений от привычных эталонных правил криминализации свидетельствует о постепенном формировании новой теории криминализации, контуры и содержание которой еще не распознаны наукой в должной степени. На основе исследования материалов законотворческого процесса авторы обосновывают мысль о том, что современная практика криминализации опирается на согласованную системную совокупность доктринальных идей, которые восходят к теории психологического принуждения уголовного наказания, теории уголовно-правового воспитания личности, теории юридического морализма, теории превентивной криминализации и теории социального конструктивизма. В своей уникальной конфигурации эти теоретические концепции составляют согласованную доктрину, которая допускает свободное, неограниченное конструирование уголовно-правовых запретов в целях обеспечения безопасности процесса социальной трансформации от любых минимально возможных и потенциальных угроз за счет формирования и поддержания посредством угрозы уголовного наказания необходимого морального статуса отдельных лиц и морального единства общества на основе тех ценностей, которые представляются смыслообразующими акторам социальной трансформации.

Ключевые слова: уголовная политика; криминализация; законотворчество; назначение уголовного закона; уголовное законодательство; нормотворчество; уголовно-правовой запрет; социальная трансформация.

Для цитирования: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 1. — С. 110–125. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.110-125.

© Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М., 2023

* Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 11081975@list.ru

** Бабаев Михаил Матвеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России Поварская ул., д. 25, стр. 1, г. Москва, Россия, 121069 babaevmm@yandex.ru

Modern Rule-Making as the Basis for the Formation of a New Theory of Criminalization

Yuriy E. Pudovochkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
11081975@list.ru

Mikhail M. Babaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Povarskaya ul., d. 25, str. 1, Moscow, Russia, 121069
babaevmm@yandex.ru

Abstract. Modern society is undergoing a period of transformation that affects all fundamental spheres, including the sphere of criminal policy and criminal law. The state of instability and uncertainty of social development is reflected, among other things, in the fact that the practice of current rule-making in the field of constructing criminal law prohibitions often demonstrates a clear contradiction to the rules and principles of criminalization that have developed in the domestic legal doctrine at the turn of the 20th and 21st centuries. This phenomenon receives a predominantly negative assessment in the scientific literature. Without denying the substantive criticism, at the same time, it is necessary to raise the question that the steady nature of deviations from the usual standard rules of criminalization indicates the gradual formation of a new theory of criminalization, the contours and content of which have not yet been recognized by science to the proper extent. Based on the study of the materials of the legislative process, the authors substantiate the idea that the modern practice of criminalization is based on a coherent system of doctrinal ideas that go back to the theory of psychological coercion of criminal punishment, the theory of criminal education of the individual, the theory of legal moralism, the theory of preventive criminalization and the theory of social constructivism. In their unique configuration, these theoretical concepts constitute a coherent doctrine that allows for the free, unrestricted construction of criminal law prohibitions in order to ensure the safety of the process of social transformation from any minimum possible and potential threats. It is possible to achieve that by means of the formation and maintenance through the threat of criminal punishment of the necessary moral status of individuals and the moral solidarity of society based on the values that are meaning-forming actors of social transformation.

Keywords: criminal policy; criminalization; lawmaking; criminal law purpose; criminal legislation; rule-making; criminal prohibition; social transformation.

Cite as: Pudovochkin YuE, Babaev MM. *Sovremennoe normotvorchestvo kak osnova formirovaniya novoy teorii kriminalizatsii* [Modern Rule-Making as the Basis for the Formation of a New Theory of Criminalization]. *Lex russica*. 2023;76(1):110-125. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.110-125. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Практика законотворческих решений об отнесении тех или иных деяний в разряд преступных и наказуемых обоснованно может рассматриваться в качестве содержательного ядра уголовной политики, а теория криминализации — в качестве квинтэссенции доктринального учения о социальном предназначении уголовной политики и уголовного права. Именно в призме криминализации преломляются важнейшие представления о сущности уголовного права, его целях, функциях, основаниях и последствиях. По этой причине анализ проблем криминализации составляет (точнее, пожалуй, — должен составлять) неотъемлемую часть любых серьезных теоретических рассуждений об уголовном праве.

Теория криминализации — какой бы она ни была и что бы под ней сейчас ни понимать — составляет основу криминализационной практики и одновременно служит критерием ее проверки и оценки. В оптимальной ситуации соответствие законодательного решения о криминализации деяния целям, основаниям, принципам и правилам, обоснованным теорией, выступает условием качества уголовного закона и залогом его эффективности.

Вместе с тем, мы отчетливо сознаем, что симфония теории и практики может мыслиться лишь в качестве идеальной модели, реальное воплощение которой едва ли возможно в полной мере. Потребности в решении актуальных задач противодействия преступности могут опережать уровень их теоретического осмыс-

ления, теория может увлеченно разрабатывать высокие, абстрактные модели, оторванные от земных нужд, многоголосица теоретических концепций может создавать высококонкурентную ситуацию выбора надлежащей точки опоры, каналы взаимодействия теории и практики могут быть засорены различного рода факторами субъективного порядка и т.д. Всё это не только возможно, но и существует. Однако, как бы то ни было, без надлежащего теоретического обоснования, особенно в текущих сложноустроенных и сложнопрогнозируемых условиях, законотворческая практика рискует обратиться в крайне архаичный инструмент, непригодный для управления современным обществом. Одним словом — теория важна.

Тезис не нов и, скажем прямо, банален. Однако его обсуждение представляется остро необходимым. Лейтмотивом многих, если не всех, научных сочинений по проблемам криминализации и уголовной политики в целом звучит мысль о том, что современная практика конструирования уголовно-правовых запретов не соответствует доктринальным канонам (грубо нарушает, отрицает, опровергает их). С этим сложно спорить. Но наука, как известно, не должна ограничиваться простой констатацией. Если отступление от канонов является сегодня устойчивой чертой уголовно-политической практики, то оно перестает быть просто «отступлением», но выступает как отражение или основа формирования новой теории криминализации. А потому первое, что необходимо сделать для конструктивной критики, — вербализовать саму эту теорию, сформулировать и назвать цели, принципы и правила криминализации не как идеальной политической стратегии, а как реальности. Причем вербализация эта на первом этапе должна быть подчеркнута феноменологической, описательной. Надо, как принято говорить, «понять, с чем мы имеем дело», «назвать нечто», прежде чем принимать или отвергать его.

С учетом этого обстоятельства последующее изложение будет посвящено по преимуществу описанию некоторых положений теории современной криминализации, которые могут

рассматриваться в качестве ее теоретических основ. Подчеркнем: не «современной теории криминализации», а «теории современной криминализации». Сразу предупредим: поиск и формулировки основ не должны восприниматься как попытка обоснования или тем более оправдания текущей практики криминализации. Критическое отношение к происходящему в данном случае не должно затмевать нашей главной задачи — описать объект критики, с тем чтобы возможная последующая критика была более конструктивной и содержательной.

Некоторые теоретические замечания

Теория криминализации в российском интеллектуальном пространстве была оформлена во второй половине XX столетия благодаря усилиям А. А. Герцензона, П. С. Дагеля, Г. А. Злобина, А. И. Коробеева, В. Н. Кудрявцева и других видных представителей уголовно-правовой науки. Их наработки воспринимаются сегодня не иначе как золотой стандарт, с которым сопоставляется и которым проверяется текущая практика криминализации и с позиций которого она подвергается в значительной части случаев критической оценке. Некоторые специалисты полагают (возможно — по инерции, возможно — по наивности), что «и в XXI в., когда отечественное уголовное законодательство подвергается многочисленным изменениям и дополнениям, связанным в основном с процессом криминализации, необходимо опираться на те постулаты, которые уже себя вполне оправдали при реформировании УК РФ»¹. Однако современная уголовно-правовая политика в сфере криминализации постепенно, последовательно и, что главное, успешно формирует новую уголовно-правовую реальность, ломая и пытаясь заменить сложившиеся представления о юридических конструкциях и моделях рационального законотворчества². Нам неизвестны теоретические работы, в которых эта «новая реальность» получила бы всесторонне теоретическое обоснование или поддержку³. Создается ощущение, что юристы-

¹ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина [и др.] ; отв. ред. В. П. Кашепов. М. : ИЗИСП, Контракт, 2018. С. 94.

² Костылева О. В. Криминализация как метод уголовно-правовой политики: теория и практика принятия законодательных решений // Закон. 2015. № 8. С. 70–71.

³ Едва ли не единственная специальная монография по близкой теме — работа И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеева «Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного

теоретики либо не принимают эту реальность, либо не берут на себя риск и ответственность описать ее на концептуальном уровне.

В некотором смысле восполняя этот пробел, выскажем для начала общие теоретические положения, исходя из которых будет строиться наше последующее изложение.

1. Под современной криминализацией нами будет пониматься законодательная практика, складывавшаяся в период, начиная с 2009 г., то есть на этапе очередной трансформации российского общества, которую, вероятно, можно считать уже сложившейся. Эта криминализация, разумеется, не является феноменом, качественно отличающимся по своей природе от законодательских решений, принимаемых в иной период времени. Она остается всё той же криминализацией. По этой причине вряд ли можно говорить о том, что она построена на абсолютно иных принципах и преследует совершенно новые цели. Она есть трансформирующееся продолжение традиционной уголовно-политической деятельности в трансформирующемся обществе, а потому закономерно сочетает в себе черты «старого» и «нового». Задача — выявить это «новое» и описать его.

2. Современная криминализация — явление неоднородное, включающее в себя решения разного качества. Некоторые из них вполне укладываются в стандартные золотые правила криминализации. К примеру, с позиций теории криминализации вряд ли можно критиковать законодательные решения, которыми уточнены параметры разграничения преступлений и дисциплинарных проступков против военной службы⁴; установлена ответственность за посягательства на право гражданина на участие в общероссийском голосовании в связи с появлением самого института общероссийского голосования⁵; введена ответственность третейских судей за коррупционные преступления во исполнение международных обязательств государства⁶. Есть, разумеется, и иные криминализационные акты, которые с позиций

отмеченных золотых правил вызывают критику. И именно в этих решениях стоит искать эмпирическую основу для конструирования теории современной криминализации.

3. Не каждое решение, отражающее современную криминализацию в ее оспоримой части, содержит указание на полный набор положений, из которых можно вывести теорию. Некоторые акты криминализации отражают трансформацию целей, другие — трансформацию принципов, третьи — трансформацию правил, четвертые — трансформацию оснований установления уголовной ответственности, пятые демонстрирует различные варианты сочетания трансформационных подходов. Соответственно, сформировать представление о теории современной криминализации можно только путем сложения этих отдельных пазлов в целостную картину.

4. Для обоснования теории современной криминализации нет необходимости, чтобы все без исключения законы об уголовной ответственности отражали новые принципы и правила. Закон больших чисел в данном случае неприменим. Даже одно решение, демонстрирующее новый подход, тем более если оно не отменено парламентом или не дисквалифицировано Конституционным Судом РФ, прецедентным образом создает потенциальную возможность своего повторения. Уже только поэтому оно может быть использовано в качестве подтверждения новой теории криминализации.

5. Формулировка теоретических основ новой криминализации, как уже отмечалось, должна быть максимально лишена субъективных оценок исследователя, задача которого состоит в том, чтобы языком доктрины описать современную правотворческую практику в сфере установления уголовно-правовых запретов. Эмпирическим материалом в поиске идей, отражающих законодательный замысел, могут стать не только (а возможно, и не столько) сами законы, сколько документы, отражающие зако-

и непроступного» (Екатеринбург : Sapienta, 2020), в которой авторы критически анализируют текущую практику законодательного конструирования новых составов преступлений с позиций различных философских и политико-правовых концепций.

⁴ Федеральный закон от 18.02.2020 № 22-ФЗ «О внесении изменений в статьи 340 и 341 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁵ Федеральный закон от 01.04.2020 № 94-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

⁶ Федеральный закон от 27.10.2020 № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

нотворческий процесс, и прежде всего, пояснительные записки к законопроектам, в которых (по идее) цель и основание принятия закона должны быть четко определены⁷.

б. Создание всеохватывающей теории, в деталях описывающей все аспекты современной криминализации, может мыслиться в качестве сверхзадачи для ее сторонников. Мы ограничимся более скромной постановкой: показать лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее значимые аспекты этой теории. Поскольку круг вопросов, составляющих теорию криминализации, является относительно стабильным, а на всем протяжении истории науки на них были представлены самые разные и, пожалуй, все возможные ответы, новая теория в известном смысле являет собой комбинацию известных решений, в основе которой должен быть расположен некий общий принцип, обеспечивающий их согласование.

Отталкиваясь от этих исходных посылок, теорию современной криминализации можно описать вполне определенно. Мы при этом не исключаем, что изложение материала может восприниматься читателем как тенденциозная, субъективная попытка наделить «новую теорию» не свойственными ей характеристиками и приписать законодателю неразделяемые им идеи. Но, во-первых, в отсутствие внятной и явственной официальной концепции уголовной политики, презентация теории криминализации «от имени» законодателя с неизбежностью несет в себе такой риск; а во-вторых, мы этот риск сознательно принимаем с тем, чтобы активировать соответствующее обсуждение и дискуссию.

Основание криминализации

Вопрос об основании криминализации — сложный, предполагающий наличие множества ответов, различающихся как с формально-терминологической точки зрения (основание — ос-

нования — условия — факторы), так и с содержательной (динамика общественных отношений — потребность — поведение). Не вторгаясь в его детальное обсуждение, для целей нашей работы заметим, что в рамках стандартного подхода к уголовной политике основанием криминализации признается наличие общественно опасного поведения, требующего уголовно-правового запрета⁸. Такое понимание коррелирует с предписаниями ст. 8 УК РФ об основании уголовной ответственности и акцентирует внимание на двух ключевых моментах. Во-первых, основание криминализации есть всегда поведение (деяние). Во-вторых, это поведение (деяние) всегда должно быть общественно опасным.

Современная криминализационная практика отчетливо «бьет» по каждой из двух отмеченных характеристик, тем самым утверждая новое прочтение основания криминализации и основания уголовной ответственности.

Прежде всего, сегодня реализован подход, согласно которому основанием криминализации не обязательно выступает деяние (поведение) человека. Таковым может быть признано и его состояние, точнее — опасное состояние. Первый и пока единственный в современной практике (но нельзя сказать, что ранее неизвестный уголовному праву или неспособный повториться в будущем) опыт прямой криминализации опасного состояния дает статья 210.1 УК РФ об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии⁹.

Соответствующий законопроект, внесенный Президентом РФ, в пояснительной записке обосновывал необходимость внесения данной статьи тем, что хотя имеющиеся нормы УК РФ «устанавливают уголовную ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, но только в случае, если указанное лицо совершает общественно опасное деяние, предусмотренное частью первой статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации», в то время как «уголовная ответственность за сам факт лидерства такого лица

⁷ В нашем исследовании проведено сплошное изучение пояснительных записок ко всем законопроектам о внесении изменений в УК РФ за период с 2020 по 2022 г. и выборочный анализ записок к проектам 2009–2020-х гг.

⁸ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 102.

Таков самый общий абрис проблемы основания криминализации, который одновременно можно считать консенсуальной основой для различного рода частных дискуссий в рамках предложенной парадигмы.

⁹ Заметим, что косвенные признаки установления и дифференциации уголовной ответственности на основе опасного состояния личности ряд специалистов усматривает также в криминализации деяний с

в преступной иерархии не предусмотрена»¹⁰. На заседании парламента представитель Президента РФ уточнял: «Дело в том, что те лица, которые, по сути дела, являются лидерами преступного сообщества или преступной организации, остаются в тени, потому что сейчас привлечение их к уголовной ответственности связано с тем, что должна быть зафиксирована, доказана их роль как лидеров соответствующего преступного объединения, а также то, что они руководили этим объединением в процессе подготовки конкретных преступлений. И вот эта связь на практике достаточно сложно доказывается, поскольку есть определенные механизмы, которые позволяют преступникам уходить от этой ответственности. И сейчас основная новелла, вокруг которой, по сути дела, идут основные дискуссии, — уголовная ответственность устанавливается за занятие высшего положения в преступной иерархии безотносительно к тому, связано ли это с совершением конкретных преступлений или не связано»¹¹.

Таким образом, парламент не просто согласился, но и прямо признал, что уголовная ответственность может наступать для лиц, вне зависимости от того, совершают или не совершают они какие-либо конкретные общественно опасные деяния, при условии, что такие лица, как в свое время указывалось в ст. 49 УК РСФСР 1922 г. и ст. 7 УК РСФСР 1926 г., «по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности» представляют общественную опасность.

Наряду с этим фундаментальным изменением, существенно скорректирована, как нам

представляется, и позиция законодателя относительно характеристики деяний, подлежащих криминализации. Одно из распространенных теоретических суждений состоит в необходимости установления высокой «планки криминализации»; «криминализация — это крайняя, наиболее острая форма реакции государства. Поэтому круг деяний, признаваемых преступными, должен быть предельно узким, включать только те деяния, которые действительно представляют общественную опасность и с которыми не представляется возможным бороться иными средствами»¹².

Однако современный опыт свидетельствует об ином. Исследование показывает, что с 2009 г. по сентябрь 2022 г. в УК РФ состоялось 111 актов непосредственной новой криминализации¹³. При этом в 75 случаях (67,6 %) речь идет о криминализации преступлений небольшой тяжести, в 21 случае (18,9 %) — преступлений средней тяжести, в 11 случаях (9,9 %) — тяжких и в 4 случаях (3,6 %) — особо тяжких преступлений. Как видим, главный вектор криминализации (86,5 %) касался преступлений небольшой или средней тяжести, то есть по определению не представляющих большой общественной опасности и выступающих в силу этого предпосылкой применения широкого (и ширящегося) спектра оснований освобождения от уголовной ответственности.

Мы несколько не хотим сказать, что преступления небольшой или средней тяжести — деяния, недостойные криминализации и вообще не представляющие опасности. Но всё же: из

административной преюдицией, деяний, совершенных неоднократно, систематически, лицами, имеющими судимость. См. об этом: *Иванов Н. Г.* Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 17–20.

¹⁰ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 14.09.2022).

¹¹ Выступление Г. В. Минха, полномочного представителя Президента РФ в Государственной Думе на 190-м заседании Государственной Думы РФ 21.02.2019. Фрагмент стенограммы // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 14.09.2022).

¹² Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. С. 82.

¹³ При расчетах не учитывались законы: а) которые вносили изменения в диспозитивную часть норм, существовавших до 2009 г.; б) которыми корректировались положения Общей части и санкции уголовно-правовых норм; в) которыми корректировались новые составы преступлений, введенные после 2009 г., и санкции за их совершение. Исследовались только законы, которые дополняли состав Особенной части УК РФ новыми статьями об ответственности за то или иное деяние. При этом для упрощения в расчет брались только части первые этих статей — как в случаях, когда иные части статьи содержали квалифицирующие признаки преступления, так и в случаях, когда иные части статьи содержали основные составы преступлений, отличные от того, что определены в части первой.

75 новых норм об ответственности за преступления небольшой тяжести 23 (30,7 %) не сохранили в санкции возможность применения наказания в виде лишения свободы, 10 (13,3 %) ограничивали максимальный срок лишения свободы одним годом, 18 (24 %) предусматривали лишение свободы на срок до двух лет и только треть норм содержала наказание в виде лишения свободы до трех лет, то есть максимально возможное по данной категории преступлений.

В данном случае мы ориентированы исключительно на размеры санкций и законодательную оценку опасности преступлений и не исследуем вопрос с содержательной стороны — насколько с социально-криминологической точки зрения обоснована криминализация того или иного конкретного деяния (например, уклонения от подачи уведомления о двойном гражданстве, мелкого хищения или обещания посредничества во взяточничестве). Но вывод даже из столь поверхностного анализа следует вполне определенный: заниженный порог наказуемости преступлений закономерным образом занижает порог общественной опасности, достаточный для криминализации, и тем самым открывает путь для установления уголовной ответственности за деяния, которые при более высоком пороге наказуемости не могли бы быть криминализованы¹⁴.

Цели криминализации

Цели криминализации нельзя считать ни убедительно сформулированными, ни в должной степени исследованными. В научных сочинениях они, как правило, не рассматриваются в качестве самостоятельного предмета. Здесь сказываются, по-видимому, два обстоятельства. С одной стороны, профессиональное мышление вполне оправданно склоняется к отождествлению целей криминализации либо с общими целями уголовной политики и уголовного закона, либо с целевым предназначением уголовного наказания. С другой стороны, цели криминализации отдельных опасных деяний порой настолько различаются, что воссоздание на теоретическом уровне обобщенной телеологической концепции криминализации выглядит весьма сложной задачей.

Сознавая, что полноценное теоретическое исследование вопроса о целях криминализации — отдельная тема, обратимся к вопросу о том, какие цели в последнее время официально декларирует сам законодатель, устанавливая или корректируя параметры уголовной ответственности. Воспользуемся исключительно пояснительными записками к законопроектам, ставшим законами в 2009–2022 годах.

Заметим, что в некоторых ситуациях эти цели формулируются крайне общо и неопределенно (например, авторы законопроектов предлагают их принять «в целях совершенствования правового регулирования вопросов уголовной ответственности» — законопроект № 1074945-7). В других случаях пояснительные записки содержат настолько неудачные формулы целеполагания и значимости законопроектов, что при буквальном их прочтении возникает серьезное сомнение в необходимости их принятия (в одном из документов, к примеру, было прямо указано, что «реализация положений, предусмотренных законопроектом... не повлияет на достижение целей государственных программ Российской Федерации» — законопроект № 1013018-7). Имеют место ситуации, когда законопроект с объявленной целью и содержанием в процессе его обсуждения в парламенте наполняется настолько специфичным содержанием, что пояснительные записки в принципе утрачивают свойство документа, на основе которого можно установить цель закона. Так, законопроект № 160006-8, внесенный на рассмотрение Государственной Думы РФ 7 июля 2022 г., изначально предполагал лишь изменения ст. 80 УК РФ в части сокращения срока наказания в виде лишения свободы, достаточного для принятия решения о замене этого наказания принудительными работами. Однако во втором чтении 19 сентября были предложены, а 20 сентября 2022 г. приняты сразу во втором и третьем чтениях такие поправки к законопроекту, которые кардинальным образом изменили его суть, превратив этот законопроект, по сути, в закон об ответственности за преступления против военной службы, совершенные в период мобилизации. Равным образом законопроект № 9712-8, внесенный 28 октября 2021 г., изначально предусматривал изменение лишь статьи об ответственности за преступление, связанное с уничтожением лесных насаж-

¹⁴ См. подробнее об этом: Пудовочкин Ю. Е. Наказуемость деяния как признак преступления // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5. С. 166–172.

дений. Однако во втором чтении, к 18 марта 2022 г., существенно изменил свое содержание, включив ряд положений об ответственности за действия, направленные на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий.

Но если не принимать во внимание подобного рода «казусы»¹⁵, то выборочный анализ содержания пояснительных записок позволяет выделить несколько типичных и не вполне типичных целей, сформулированных разработчиками законов (см. таблицу).

Цель обеспечения системности права и устранения внутривидовых коллизий	
Для выполнения требований Конституции РФ, «поскольку в действующей редакции Конституции Российской Федерации закреплен прямой запрет»	Законопроект № 989303-7
В целях реализации решений Конституционного Суда РФ	Законопроект № 536-8
В развитие решений, реализованных на наднациональном уровне в рамках ЕАЭС	Законопроект № 1112250-7
В целях реализации рекомендации ГРЕКО	Законопроект № 931211-7
Для восполнения пробела в законе, обуславливающего несоответствие уголовно-правовых норм специфике общественно опасного деяния	Законопроект № 353716-5
В целях устранения выявленного диссонанса санкций	Законопроект № 42307-8
Цель урегулирования «базисных отношений»	
Для более эффективного регулирования отдельных общественных отношений	Законопроект № 9712-8
В целях дальнейшего формирования условий для создания благоприятного делового климата в стране и сокращения рисков ведения предпринимательской деятельности	Законопроект № 871811-7
Для «значительного снижения количества ДТП и тяжести их последствий»	Законопроект № 93181-5
Для комплексного сохранения археологического наследия России	Законопроект № 217902-6
Цель достижения задач уголовного закона	
В целях повышения мер общественной безопасности, сохранения жизни и здоровья граждан	Законопроект № 130391-8
Для повышения уровня защиты охраняемых уголовным законом прав свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности	Законопроект № 1157845-7
В целях усиления защиты прав и законных интересов граждан и организаций от неправомерных действий сотрудников органов внутренних дел	Законопроект № 331365-5
В целях рационального применения мер исправления и стимулирования правопослушного поведения осужденных за совершение особо тяжких преступлений	Законопроект № 160006-8
Цель усиления уголовной репрессии	
Для усиления уголовной ответственности ввиду недостаточности существующих уголовно-правовых мер	Законопроект № 215694-5

¹⁵ При серьезном критическом настрое, разумеется, на эти ситуации нельзя не обращать внимания. Можно и нужно обосновать разрушительную критику законотворческой деятельности, которая прикрывается умозрительным «совершенствованием законов», приводит к появлению законов, которые вовсе не предполагают оказывать влияние на реализацию государством его программных целей, или кардинально, вопреки замыслу инициаторов, меняют концепцию закона в период его обсуждения в парламенте. Однако мы сознательно уйдем от этих рассуждений, обосновывая (но не оправдывая) наличие отмеченных фактов пренебрежительным отношением акторов уголовной политики к ценности уголовного права и общим низким уровнем юридической техники составления документов, обосновывающих необходимость разработки, обсуждения и принятия того или иного закона.

Цель обеспечения системности права и устранения внутриправовых коллизий	
В целях расширения перечня уголовно наказуемых способов совершения преступлений	Законопроект № 1112804-7
В целях неотвратимости наказания виновных	Законопроект № 388776-7
Цель улучшения работы правоохранительной системы	
В целях повышения эффективности системы выявления, предупреждения и пресечения преступной деятельности	Законопроект № 130406-8
В целях предоставления правоохранительным органам дополнительных возможностей для противодействия терроризму, экстремизму и организованной преступности	Законопроект № 1157845-7
Цель общей превенции	
Для более эффективного достижения цели общей превенции	Законопроект № 41607-8
Для повышения превентивной функции УК РФ	Законопроект № 1157845-7
В превентивных целях ввиду «новизны» отношений и «отсутствия судебной практики»	Законопроект № 1143531-7
Для предупреждения соответствующих правонарушений и обеспечения надлежащего выполнения требований законодательства Российской Федерации	Законопроект № 1073604-7
Цель поддержания политического курса страны	
Для нормализации сложившейся внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране и недопущения дестабилизации обстановки	Законопроект № 1165661-7
В качестве ответа «на вопросы в общественном сознании, что государство защищает историческую правду и историческую народную память во всех сферах жизни человека»	Законопроект № 1050812-7
Цель повышения сознательности граждан	
В целях совершенствования механизмов защиты граждан Российской Федерации от угрозы распространения инфекционных заболеваний, а также повышения гражданской ответственности	Законопроект № 929651-7
Поскольку для лиц, имеющих, помимо гражданства РФ, гражданство иностранного государства, «значение гражданства РФ как политико-юридического выражения ценности связи с Отечеством объективно снижается», а «волеизъявление такого лица может обуславливаться не только требованиями конституционного правопорядка РФ и интересами ее народа, но и требованиями, вытекающими из принадлежности к иностранному государству»	Законопроект № 485228-6

Обзор этих целей показывает, что в их общем ряду отчетливо выделяются те, которые можно считать привычными (сохранение системности права, выполнение задач уголовного закона, изменение интенсивности репрессии), и те, что зримо определяют специфику текущей (трансформированной) уголовной политики: использование уголовного закона для позитивного урегулирования общественных отношений, признание не только реально существующих, но и потенциально возможных деяний общественно опасными и уголовно наказуемыми, поддержка политического курса и забота об «улучшении» граждан.

Надо признать, что эти специфические цели сами по себе не являются абсолютно новыми, неизвестными научной теории или предшествовавшей практике криминализации. Новизна современной телеологии криминализации состо-

ит, во-первых, в их реактуализации в условиях текущего момента и, во-вторых, в логической конфигурации, придающей совокупности целевых установок качественно новое звучание. В кратком изложении цель криминализации сегодня может быть обозначена как поддержка политического режима путем устранения минимальных угроз его существованию на основе достижения социальной интеграции граждан, обладающих требуемым набором социальных и ментальных характеристик.

Элементы теоретической модели криминализации

Представленная выше цель криминализации определяет ее значимые теоретические характеристики, которые должны быть последова-

тельно названы, с тем чтобы составить основу для широкого научного дискурса. Среди таких характеристик представляется необходимым назвать как минимум три:

- а) приоритет предупреждения социальных отклонений перед воздающей реакцией на факты уже причиненного вреда;
- б) использование средств уголовного права для «улучшения» природы человека;
- в) обеспечение сплоченности общества на основе единства коллективных ценностей.

Обобщенный анализ показывает, что по этим трем параметрам современная модель криминализации (а вслед за этим и модель уголовной политики в целом) принципиально отличается от того, что традиционно называется либеральной моделью уголовной политики, которая своими теоретическими корнями восходит к работам Д. Милля, Ч. Беккариа и которая в значительной степени служила образцом для отечественного уголовного права в недолгий 20-летний период правовой истории, начиная со второй половины 90-х гг. прошлого века.

1. Беккариа писал: «Единственным и истинным мерилom преступлений является вред, который они приносят нации»¹⁶. Ему же принадлежат следующие интересные рассуждения: «Подобно тому как неизменные и простейшие законы природы не препятствуют нарушению движения планет, так и человеческие законы не смогут... предупредить столкновения и нарушения порядка. И однако именно эта нелепая мечта присуща ограниченным людям, когда они получают власть в свои руки. Запрещать множество безразличных действий — не значит предупреждать преступления, которые ими и не могут быть рождены, а значит, создавать из этих действий новые преступления, значит определять по своему желанию добродетель и порок, которые провозглашаются вечными и непоколебимыми»¹⁷.

Криминализация, следующая этим заветам, предполагает в качестве идеального образа «маленький, но жесткий уголовный кодекс» (А. И. Коробеев), в котором описаны деяния, реально присутствующие в общественном пространстве, причиняющие реальный общественно значимый вред и влекущие за собой адекватное воздаяние. Современная практика отходит от этих принципов в двух моментах.

Во-первых, разумная идея совмещения воздаяния и предупреждения приобрела такую конфигурацию, при которой довлеющей стала идея именно предупреждения преступлений. Возможность «превентивной криминализации до наступления общественно опасных последствий» находит поддержку у юристов¹⁸. В сочетании с методологией управления рисками ее реализация привела к насыщению уголовного закона (и не только его) конструктами, которые позволяют применять правоограничительные меры в ситуациях минимальной опасности и отсутствия реального вреда (самостоятельная криминализация действий соучастников и приготовительной стадии преступления, преступлений с административной преюдицией, преступлений с формальным составом и др.)¹⁹.

Во-вторых, ставка на раннее предупреждение вреда средствами уголовного закона закономерно привела к разрастанию масштабов уголовного кодекса, что отражает стремление государства решить все проблемы безопасности (и не только безопасности, но и шире — социального управления в целом) за счет криминализации любых отклонений от установленных стандартов. Субъективное право на защиту государства и общества может быть гарантировано только усилением контроля, пишет В. И. Курилов. А это требует установления нового подхода к определению соотношения прав личности и общества в интересах обеспечения главной социальной ценности — безопасности²⁰.

¹⁶ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М.: Инфра-М, 2004. С. 97.

¹⁷ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 150.

¹⁸ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. С. 82–83.

О превентивной криминализации подробнее см. также: Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2018.

¹⁹ См. подробнее: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Очерки криминальной рискологии. М.: Юрлитинформ, 2021.

²⁰ Курилов В. И. Право отстает // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности: материалы VI Тихоокеанского юридического форума, 8 октября 2021 г. / сост. В. В. Гаврилов. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 28.

В итоге формируется модель криминализации, суть которой состоит в публичной демонстрации государством своего намерения преследовать в уголовно-правовом порядке любые попытки, а порой и намерения, причинить вред. Вполне можно говорить о том, что такая криминализация всё более приобретает символический характер, дрейфуя из области социальной реальности (и наказания за причиненный вред) в область конструирования этой реальности (и создания безвредного социального пространства). При таком подходе особым образом звучит вопрос о социальной обусловленности уголовного закона: закон признается обусловленным не потому, что в обществе существуют некие фактические обстоятельства, оправдывающие его существование, а потому, что он признается необходимым для устранения потенциальных угроз идеально мыслимому социальному порядку.

Это существенным образом корректирует привычные представления о превентивных началах криминализации. Традиционная идея и практика применения уголовного закона на ранних стадиях развития преступной деятельности (вплоть до формирования замысла на преступление) дополняется криминализацией особого рода — «криминализацией гипотетических преступлений», с расчетом на будущее, по принципу «а вдруг случится» или «может произойти».

В условиях трансформации общества, нарастающей динамики и непрогнозируемости его развития такой подход нельзя полностью игнорировать. Криминализация на основе прогнозов, когда эти прогнозы обоснованы и убедительны, скорее всего, допустима. Проблема видится, однако, в том, что такая перспек-

тивная криминализация зачастую не столько строится на социальных и криминологических прогнозах, сколько выступает как необходимое репрессивное сопровождение трансформационной практики, что превращает уголовный закон из средства реагирования на угрозы в средство продвижения и поддержки идей трансформации.

2. Конструирование социальной реальности средствами уголовного закона, подчеркнута управленческий характер криминализации с необходимостью предполагают:

- а) подключение уголовного закона в качестве ординарного средства регулирования базисных общественных отношений;
- б) использование возможностей уголовного закона для формирования позитивной личности.

В первом случае уголовная политика призвана решить известный (хотя и не теряющий актуальности) спор о том, должно ли уголовное право лишь следовать развитию общественных отношений и карать неисполнение обязанностей и нарушение прав, установленных в ином отраслевом законодательстве (то есть иметь «вторичный», «производный» характер), или же оно может использоваться в качестве «первичного средства» утверждения требуемого общественного и правового порядка. Дискуссия эта настолько стара, а аргументы диспутантов настолько широко известны, что воспроизводить их сейчас вряд ли оправданно. Скажем только одно. Современная криминализация вполне отчетливо склоняется ко второму из предложенных ответов²¹.

Во втором случае уголовная политика решает принципиальный вопрос, связанный с установлением границ вмешательства закона в

²¹ Это особенно заметно на примере тех сфер общественных отношений, которые являются новыми, «неизведанными», сложно понимаемыми, сложно регулируемые и сложно прогнозируемые. Специалисты признают, что проникновение в уголовное право всё большего числа регулятивно-запретительных норм увеличивает значение его регулятивной функции. «В ряде случаев регулятивный запрет устанавливается только в уголовном законе и не связан с другими отраслями права. <...> Вместе с тем обрастание уголовного закона регулятивными нормами неизбежно отразилось на подходах к криминализации деяний. Для законодательной власти становится обыденным вводить ответственность за деяния, которые лишь потенциально могли бы причинить вред, а также подкреплять уголовно-правовым запретом силу обычной регулятивной нормы» (Сергеев Д. Н. Новая криминализация в сфере генетики // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности. С. 203). Справедливости ради надо признать, что первоочередное установление уголовно-правовых запретов именно в новых и до конца не познанных сферах может быть вполне оправданным. В данном случае устанавливаются «красные линии», которые лицо не может переходить, вне зависимости от того, каким будет позитивное регулирование этих отношений, тогда как последующее развитие позитивного законодательства может привести к корректировке ранее установленных уголовно-правовых запретов.

частную жизнь граждан. Д. Милль писал: «Личное благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действие. Никто не имеет права принуждать индивидуума что-либо делать или что-либо не делать, на том основании, что от этого ему самому было бы лучше или что от этого он сделался бы счастливее, или, наконец, на том основании, что, по мнению других людей, поступить известным образом было бы благороднее и даже похвальнее. <...> Только в том случае дозвоительно подобное вмешательство, если действия индивидуума причиняют вред кому-либо»²².

Современная практика криминализации, как полагаем, отрицает такой подход, допуская «социально-инженерные» работы по формированию личности. Как минимум несколько фактов склоняют к такому выводу: конструирование составов с административной преюдицией, призванное среди прочего привить гражданам ценности законопослушания; конструирование запретов для «ковид-диссидентов» с целью повышения гражданской ответственности личности; контроль над образом мысли через признание лица находящимся под иностранным влиянием и установление ответственности за нарушение специально предназначенных для таких лиц правовых процедур (законопроект № 195130-8 «О внесении изменений в статью 330-1 Уголовного кодекса Российской Федерации»); попытки (пока (?) безуспешные) установления ответственности за потребление наркотических средств (законопроект № 390777-3 «О внесении изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»); запрет

(пока?) административно-правовой на сексуальное самовыражение граждан (обосновываемый или прикрываемый заботой о нравственном развитии несовершеннолетних).

3. Формирование личности средствами уголовного закона и привитие ей определенных социальных и моральных качеств выступает важным дополнением такой, в принципе, традиционной и классической задачи уголовного права, как поддержание морального единства общества. В привычных рассуждениях решение этой задачи традиционно связано с тем, что установление и применение уголовной санкции признается выражением морального осуждения со стороны всего общества как совершенного лицом противоправного деяния, так и самого этого лица²³. Криминализация обеспечивает моральное единение общества двумя взаимосвязанными способами: выражая моральное осуждение какого-либо посягательства и устанавливая прямой запрет на нарушение тех или иных моральных норм. В итоге уголовно-правовыми средствами «цементируется» мораль общества, препятствующая социальной дезинтеграции²⁴.

Российские специалисты признают, что «идея использования уголовного закона не столько для охраны прав и свобод граждан, законных интересов организаций, правоохраняемых интересов государства или для предупреждения преступлений, сколько для достижения целей социальной интеграции (статья 43 УК РФ говорит о том, что наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости), в том числе для поддержания социального спокойствия, доверия к государству, веры в справедливость, окончательно оформилась в масштабную законотворческую практику к 2010 г.»²⁵. Свидетельство тому — известные уголовно-правовые законы о защите чувств веру-

Но такой механизм скорее исключение из правил. Сложность и сложнорегулируемость новых общественных отношений не является сегодня ординарным препятствием для выстраивания системы позитивной правовой регуляции прежде установления уголовно-правовых запретов.

²² Милль Д. С. О свободе // О свободе : антология мировой либеральной мысли (I половины XX века) / отв. ред. М. А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 288–392.

Интерпретируя эти слова, специалисты замечают, что с точки зрения закона каждый человек имеет «неотъемлемое право отправиться в ад по-своему, при условии, что он не причинит прямого вреда личности или имуществу другого человека на этом пути» (*Morris N., Hawkins G. J. The Honest Politician's Guide to Crime Control. Chicago : University of Chicago Press, 1970. P. 2*).

²³ Hart H. M., Jr. The Aims of the Criminal Law // Law and Contemporary Problems. 1958. Vol. 23. P. 405.

²⁴ Hart H. L. A. Law, Liberty, and Morality. Stanford, Calif. : Stanford University, 1963. P. 1.

²⁵ Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог: журнал о праве = Prologue: Law Journal. 2018. № 3. С. 12 ; Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. С. 21.

ющих, исторической памяти, государственных символов, авторитета государственных органов, защиты от иностранного влияния и т.д., которые дополняются широкой законодательной практикой осуждения нетрадиционных сексуальных отношений, альтернативных форм семейной жизни, отсутствия патриотизма и др.

Если признать (а это можно признать), что правовое обеспечение соблюдения морального единства общества и социальной интеграции является законным, возникает ряд практических трудностей с ответом на вопрос о том, какая система моральных ценностей должна соблюдаться под угрозой уголовного закона, вокруг какого набора этих ценностей общество должно быть сплочено.

Для нас очевидно, что в период трансформации, идейного плюрализма и ценностного релятивизма, когда в пространстве идеологического поля нет прочно устоявшихся взглядов и широкого консенсуса, первоочередное значение приобретает система ценностных ориентиров социальной группы, которой принадлежит политическая власть. В самом общем виде «моральный кодекс» этой социальной группы неоднократно озвучивался: консерватизм, традиционализм, патриотизм, государственничество. Именно эти ценности и составляют сегодня идеологический каркас криминализационной практики и уголовной политики в целом. Распространенное и повторяемое утверждение о том, что идеологическим стержнем современного российского законодательства и одновременно критерием оценки общественной опасности деяний при их криминализации выступает признание прав и свобод человека высшей ценностью²⁶, выглядит сегодня не бо-

лее чем данью традиции, заложенной в начале 90-х гг. прошлого столетия, и по большому счету не отражает действительности.

Заключение

Обзор практики современной криминализации и соотнесение ее характеристик с некоторыми известными теоретическими правилами вполне позволяет утверждать, что в основе своей она имеет некоторые идеи и положения, которые в той или иной степени были обоснованы предшествующим опытом научной разработки проблем установления уголовной ответственности и осмысления природы уголовного права. В этом отношении в теории современной криминализации, пожалуй, нет ничего принципиально нового или неизвестного. Специфика же ее состоит в том, каким образом известные идеи сплетены вместе, образуя в своей совокупности доктринальный каркас криминализации.

Есть основания предполагать, что в основе современной криминализации лежат постулаты целого ряда доктринальных концепций²⁷:

- теория психологического принуждения (П. А. Фейербах²⁸), делающая ставку на угрозу уголовного наказания как на главное назначение уголовного закона;
- теория уголовно-правового воспитания (Л. Е. Владимиров²⁹), обосновывающая использование средств уголовного закона для формирования и поддержания определенного морального облика отдельной личности;
- теория юридического морализма (П. Девлин³⁰), обосновывающая возможность использования уголовного права в качестве

²⁶ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. С. 130.

²⁷ Последующее представление имен разработчиков этих концепций не преследует цели дать всеохватывающее и максимально точное их описание, не отражает первенства или приоритетности вклада того или иного юриста в обоснование соответствующих концепций. Фамилии приведены по большей части в иллюстративных целях.

²⁸ Фейербах П. А. Уголовное право. СПб. : Мед. типогр., 1810. С. 14–19.

Анализ теории см., например: Киселев А. Д. Психологическое основание уголовной ответственности. Харьков : Печатное дело, 1903.

²⁹ Владимиров Л. Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. М. : Т-во скоропечат. А. А. Левинсон, 1903.

Анализ теории см., например: Невский С. А., Пикуров Н. И. О воспитательной функции уголовного закона (по материалам работы Л. Е. Владимировой «Уголовный законодатель, как воспитатель народа». М., 1903 г.) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 3 (55). С. 12–18.

³⁰ Devlin P. The Enforcement of Morals. Oxford : Oxford University Press, 1965. 139 p.

- средства предотвращения социального коллапса и укрепления социальной сплоченности;
- теория превентивной криминализации (Э. Карвальо³¹), усматривающая в уголовном законе средство обеспечения безопасности общества от любого риска причинения вреда;
  - теория социального конструктивизма (Х. Хесс и С. Шеерер³²), определяющая преступность в качестве социального конструкта, сознательно создаваемого контролирующими общество институтами.

В своей уникальной совокупности положения этих теоретических концепций могут составить вполне согласованную доктрину, которая оправдывает свободное, неограниченное конструирование уголовно-правовых запретов в целях обеспечения безопасности процесса со-

циальной трансформации от любых минимально возможных и потенциальных угроз за счет формирования и поддержания посредством угрозы уголовного наказания необходимого морального статуса отдельных лиц и морального единства общества на основе тех ценностей, которые представляются смыслообразующими акторам социальной трансформации. Насколько такая доктрина рациональна и оправдана, насколько она вписывается в современную концепцию права — судить не в этой публикации. Вместе с тем знание и осмысление ее основных содержательных характеристик может (мы надеемся) стимулировать широкое обсуждение формирующейся теории в интересах как научного обеспечения процессов уголовно-правового нормотворчества, так и торжества интересов права в сфере противодействия криминальным угрозам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Очерки криминальной рискологии. — М. : Юрлитинформ, 2021. — 368 с.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. — М. : Инфра-М, 2004. — 182 с.
3. Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог: журнал о праве = Prologue: Law Journal. — 2018. — № 3. — С. 8–18.
4. Владимиров Л. Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. — М. : Т-во скоропечат. А. А. Левинсон, 1903. — 244 с.
5. Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. — СПб. : РГПУ имени А.И. Герцена, 2018. — 400 с.
6. Иванов Н. Г. Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // Российская юстиция. — 2017. — № 1. — С. 17–20.
7. Киселев А. Д. Психологическое основание уголовной ответственности. — Харьков : Печатное дело, 1903. — 312 с.
8. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. — Екатеринбург : Sapienta, 2020. — 256 с.
9. Костылева О. В. Криминализация как метод уголовно-правовой политики: теория и практика принятия законодательных решений // Закон. — 2015. — № 8. — С. 60–71.
10. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина [и др.] ; отв. ред. В. П. Кашепов. — М. : ИЗиСП, Контракт, 2018. — 280 с.
11. Курилов В. И. Право отстает // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности : материалы VI Тихоокеанского юридического форума, 8 октября 2021 г. / сост. В. В. Гаврилов. — Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. — С. 26–34.
12. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. — М. : Волтерс Клувер, 2009. — 579 с.
13. Милль Д. С. О свободе // О свободе: антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М. А. Абрамов. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — С. 288–392.
14. Невский С. А., Пикуров Н. И. О воспитательной функции уголовного закона (по материалам работы Л. Е. Владимирова «Уголовный законодатель, как воспитатель народа». М., 1903 г.) // Вестник Всерос-

³¹ *Carvalho H.* The preventive turn in criminal law. Oxford : Oxford University Press, 2017. 224 p.

³² *Hess H., Scheerer S.* Was ist Kriminalität? // *Kriminologische Journal.* 1997. Heft 2.

- сийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2020. — № 3 (55). — С. 12–18.
15. Пудовочкин Ю. Е. Наказуемость деяния как признак преступления // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2016. — № 5. — С. 166–172.
  16. Сергеев Д. Н. Новая криминализация в сфере генетики // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности : материалы VI Тихоокеанского юридического форума, 8 октября 2021 г. / сост. В. В. Гаврилов. — Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. — С. 202–204.
  17. Фейербах П. А. Уголовное право. — СПб. : Мед. типогр., 1810. — 122 с.
  18. Carvalho H. The preventive turn in criminal law. — Oxford : Oxford University Press, 2017. — 224 p.
  19. Devlin P. The Enforcement of Morals. — Oxford : Oxford University Press, 1965. — 139 p.
  20. Hart H. L. A. Law, Liberty, and Morality. — Stanford, Calif. : Stanford University, 1963. — 88 p.
  21. Hart H. M., Jr. The Aims of the Criminal Law // Law and Contemporary Problems. — 1958. — Vol. 23. — P. 401–441.
  22. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. — 1997. — Heft 2. — S. 83–155.
  23. Morris N., Hawkins G. J. The Honest Politician's Guide to Crime Control. — Chicago : University of Chicago Press, 1970. — 279 p.

Материал поступил в редакцию 17 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Babaev MM, Pudovochkin YuE. Ocherki kriminalnoy riskologii [Essays on criminal riskology]. Moscow: Yurлитinform Pub.; 2021. (In Russ.).
2. Beccaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh [About crimes and punishments]. Moscow: Infra-M Publ.; 2004. (In Russ.).
3. Boskholov SS, Maksimov SV. Uголовно-pravovaya politika: opyt, problemy i puti sovershenstvovaniya [Criminal law policy: Experience, problems and ways of improvement]. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*. 2018;3:8-18. (In Russ.).
4. Vladimirov LE. Uголовnyy zakonodatel kak vospitatel naroda [Criminal legislator as educator of the people]. Moscow: T-vo skoropechat. A.A. Levinson; 1903. (In Russ.).
5. Gurinskaya AL. Anglo-amerikanskaya model preduprezhdeniya prestupnosti: kriticheskiy analiz [The Anglo-American model of crime prevention: A critical analysis]. St. Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University Publ.; 2018. (In Russ.).
6. Ivanov NG. Kriminalizatsiya opasnogo sostoyaniya lichnosti v sovremennom UK RF [Criminalization of a dangerous state of personality in the modern Criminal Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2017;1:17-20. (In Russ.).
7. Kiselyov AD. Psikhologicheskoe osnovanie uголовnoy otvetstvennosti [Psychological basis of criminal liability]. Kharkov: Printing business Publ.; 1903. (In Russ.).
8. Kozachenko IYa, Sergeev DN. Novaya kriminalizatsiya: filosofsko-yuridicheskiy putevoditel po miru prestupnogo i neprestupnogo [New criminalization: A philosophical and legal guide to the world of the criminal and the unapproachable]. Ekaterinburg: Sapienta Publ.; 2020. (In Russ.).
9. Kostyleva OV. Kriminalizatsiya kak metod uголовno-pravovoy politiki: teoriya i praktika prinyatiya zakonodatelnykh resheniy [Criminalization as a method of criminal law policy: Theory and practice of legislative decision-making]. *Zakon [Law]*. 2015;8:60-71. (In Russ.).
10. Kashepov VP, Golovanova NA, Gravina AA, et al. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya uголовnogo zakonodatelstva: monografiya [Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation: A monograph]. Moscow: IZiSP, Kontrakt Publ.; 2018. (In Russ.).
11. Kurilov VI. Pravo otstaet [Law is lagging behind]. In: Gavrillov VV., editor. Pravo, ego primeneniye i realizatsiya v epokhu globalnykh vyzovov i menyayushcheyasya realnosti: materialy VI Tikhookeanskogo yuridicheskogo foruma, 8 oktyabrya 2021 g. [Law, its application and implementation in the era of global challenges and changing reality. Proceedings of 6th Pacific Legal Forum, October 8, 2021]. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University; 2021. Pp. 26–34. (In Russ.).

12. Lopashenko NA. Ugolovnaya politika [Criminal policy]. Moscow: Wolters Kluwer; 2009. (In Russ.).
13. Mill DS. O svobode [About freedom]. In: Abramov MA, editor. O svobode: antologiya mirovoy liberalnoy mysli (I polovina XX veka) [About freedom: Anthology of world liberal thought (first half of the 20th century)]. Moscow: Progress-Tradition; 2000. Pp. 288–392. (In Russ.).
14. Nevskiy SA, Pikurov NI. O vospitatelnoy funktsii ugovnogo zakona (po materialam raboty L. E. Vladimirova «Ugolovnyy zakonodatel, kak vospitatel naroda». M., 1903) [On the educational function of the criminal law (based on the work by L. E. Vladimirov «Criminal legislator as educator of the people». M., 1903)]. *Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii*. 2020;3(55):12-18. (In Russ.).
15. Pudovochkin YuE. Nakazuemost deyaniya kak priznak prestupleniya [Punishability of an act as a sign of a crime]. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii [Library of Criminal Law and Criminology]*. 2016;5:166-172. (In Russ.).
16. Sergeev DN. Novaya kriminalizatsiya v sfere genetiki [New criminalization in the field of genetics]. In: Gavrilov VV, editor. Pravo, ego primenenie i realizatsiya v epokhu globalnykh vyzovov i menyayushcheyasya realnosti: materialy VI Tikhookeanskogo yuridicheskogo foruma, 8 oktyabrya 2021 g. [Law, its application and implementation in the era of global challenges and changing reality. Proceedings of 6th Pacific Legal Forum, October 8, 2021]. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University; 2021. Pp. 202–204. (In Russ.).
17. Feyerbakh PA. Ugolovnoe pravo [Criminal Law], St. Petersburg: Med. Publishing House; 1810. (In Russ.).
18. Carvalho H. The preventive turn in criminal law. Oxford: Oxford University Press; 2017.
19. Devlin P. The Enforcement of Morals. Oxford: Oxford University Press; 1965.
20. Hart HLA. Law, Liberty, and Morality. Stanford, Calif.: Stanford University; 1963.
21. Hart HM, Jr. The Aims of the Criminal Law. *Law and Contemporary Problems*. 1958;23:401-441.
22. Hess H, Scheerer S. Was ist Kriminalität? *Kriminologische Journal*. 1997;2:83-155.
23. Morris N, Hawkins GJ. The Honest Politician's Guide to Crime Control. Chicago: University of Chicago Press; 1970.